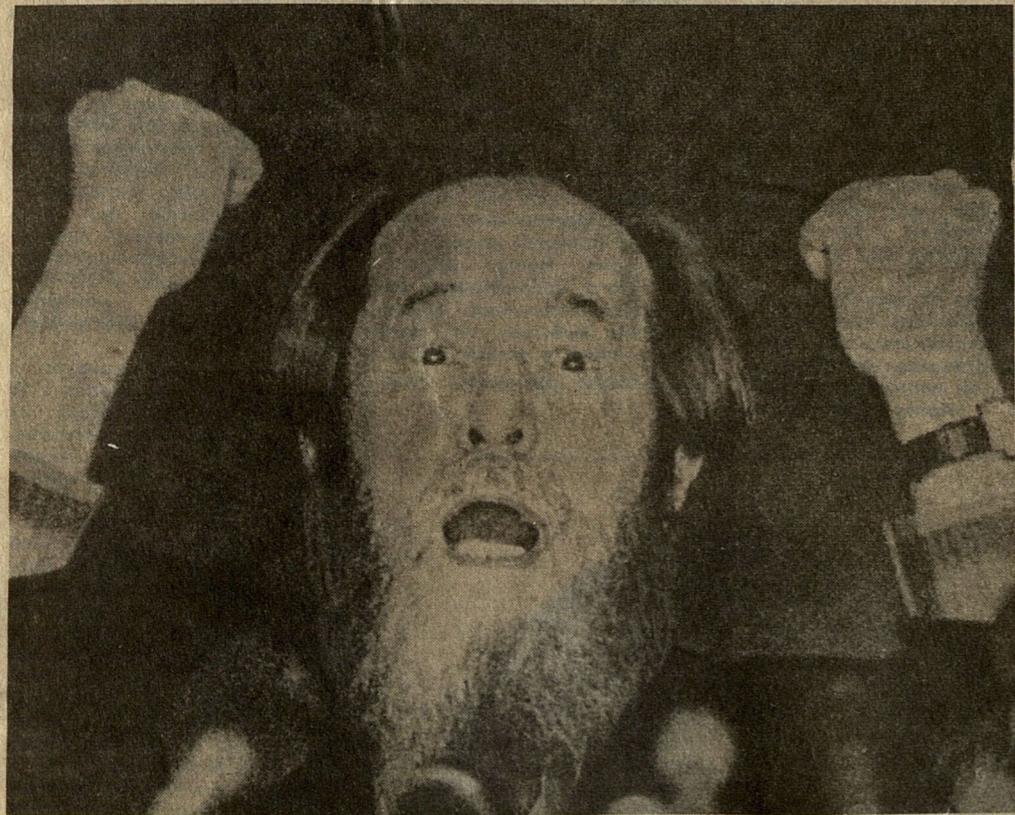

МЕДЛЕННО ПРИБЛИЖАЕТСЯ К МОСКВЕ...

Культурка. — 1994. — 25 июня (№ 4). — С. 10

Все необычно в драматической жизни Александра Солженицына, и его возвращение в Россию — не исключение.

Газета «Вашингтон таймс» опубликовала следующую статью Семена Резника, российского эмигранта, который часто печатается в этой газете. Предлагаем ее вниманию читателей.

Сотни русских писателей — неконформистов, выдворенных из Советского Союза при Брежнев, живут на Западе, и почти все они стали посещать свою Родину, как только политика гласности, проводившаяся Михаилом Горбачевым, создала такую возможность. Все, но не Солженицын. Он по-прежнему жил отшельником в своем доме в Вермонте, работая над исторической эпопеей «Красное колесо», так, будто в России ничего и не произошло. Он решил, что поедет туда только после того, как закончит последнюю фразу своей эпопеи.

Все писатели-эмигранты возвращались через аэропорт Шереметьево, под Москвой. Это целесообразно, поскольку он находится в центре событий, ибо в России все происходит в Москве, а не где-то в другом месте. Но 75-летний Солженицын прилетел во Владивосток, дальневосточный порт, далеко от столицы. Он начал свое медленное продвижение в Москву, завоевывая сторонников и становясь с каждым днем все более могущественным.

В то время как писатели-эмигранты приезжают просто в гости, Солженицын возвратился навсегда. Свое возвращение на Родину он считает своей миссией, гораздо более важной, чем все предыдущие. Он приехал, чтобы спасти свою страну и свой народ. Но спасти от чего?

Солженицын — один из величайших русских писателей ны-

нешнего столетия. Благодаря своему огромному таланту ему удалось воссоздать неизвестный ранее мир ГУЛАГа, отгороженный от остального мира колючей проволокой и сторожевыми башнями. Он заполнил эту страшную черную дыру яркими красками живых лиц и характеров. У него достало смелости бороться за свое право рассказать человечеству об этом, несмотря на жестокие преследования. «Теленок бодал дуб до конца», пока КГБ не выдворил его из страны.

Нужно было жить в России в 1960-х и 1970-х годах, надо было знать, что такое стараться прочитать слепую, грязную копию его 500—600-страничных рукописей, которые удавалось достать всего на одну ночь, надо было часами ловить радиопередачи на коротких волнах, чтобы услышать хотя бы пару слов о нем, несмотря на то, что передачи иностранных радиостанций глушили; только тогда можно получить представление, в какой мере Солженицын воодушевлял целое поколение советской интеллигенции на то, чтобы отвергать коммунизм.

Можно ли выделить кого-то другого, кто внес бы такой вклад в разрушение империи зла? Может быть, Андрей Сахаров, великий физик, который мужественно отстаивал права человека. Но лично я считаю, что Солженицын оказал большее влияние. Ни один другой герой не отсекал столько голов

дракона, никто другой не вынул столько кирпичей из стен тюрьмы, которая рухнула.

Но, когда пришло время собирать камни для строительства посткоммунистической России, Солженицын подготовил свой план, абсолютно отличный от плана Андрея Сахарова и других поборников демократии. Может быть, их проект и несовершенен, но это проект современного здания, просторного, полного света и свежего воздуха. В нем могли бы жить люди разных взглядов, верований, с разным прошлым, и никто никого не угнетал бы. Однако Солженицын имел в виду монастырь с мрачными кельями для монахов, умертвляющих свою плоть и молящихся денно и нощно.

Гигантская историческая эпопея Солженицына «Красное колесо» объемом 10 томов, посвященная первой мировой войне и русской революции, — это не просто плохая литература, хотя это и так. Всякий талант имеет границы. Антон Чехов был гением, но не мог написать роман. Солженицын — блестящий романист, когда он пишет на тему, тесно связанную с его личным жизненным опытом. Чтобы оживить другую эпоху, нужен талант иного рода. Это трагедия, что почти половину своей жизни Солженицын посвятил написанию этих нечитабельных объемистых томов, вместо того чтобы продолжать создавать шедевры, посвященные ГУЛАГУ и другим

темам, с которыми он лично знаком.

Но независимо от его художественных достоинств, в «Красном колесе» много спиц ненависти не столько к большевикам, сколько к борцам за демократию. Они изображены в виде антипатриотов, разрушающих царскую Россию под антирусским (в основном еврейским) влиянием.

Аналогичная антидемократическая философия просматривается в его выступлениях, эссе и интервью, начиная с его речи, произнесенной в Гарварде в 1978 году, до интервью в журнале «Нью-Йоркер», в котором он «разрешил» Украине и Казахстану быть независимыми при условии «возвращения» России чуть ли не половины их территории.

Солженицын считает, что нравственность важнее законности. Большевики использовали именно такой принцип: все, что было полезно для их партии, было «моральным», даже если это было незаконным. А до большевиков так называемые «черные сотни» использовали этот принцип, когда организовывали погромы под «сверхморальным» и «патриотическим» лозунгом: «Бей жи- дов, спасай Россию».

Нравственность — это сфера сокровенных отношений между человеком и его совестью или Богом. Когда политика вторгается в эту сферу, политические деятели устанавливают тоталитарный контроль над

умами и душами граждан. В течение двадцати лет своей жизни на Западе Солженицын отказывался признать, что это две разные вещи, и потому Запад отверг его позицию в отношении «морали».

Другое дело Россия. Еще до того, как Солженицын прилетел во Владивосток, демократическая печать объявила, что он не подлежит никакой критике. Они называли его Толстым конца столетия, забывая о том, что Толстой адресовал свои моральные проповеди человеку, а Солженицын предлагает политическое решение для возрождения России в ущерб соседним странам.

Сам факт возвращения Солженицына укрепляет позиции так называемых национал-патриотов, которые идут к власти, чтобы восстановить тоталитарную империю. Это должно вызвать тревогу среди российских демократов, но они предаются эйфории.

Солженицын объявил, что не будет баллотироваться ни на какой пост, и я не сомневаюсь в его искренности. Но, если люди попросят, если они будут умолять его на коленях, если они будут бомбардировать его своими петициями, сможет ли он — спаситель — противиться?

Солженицын вернулся в Россию. Он медленно приближается к Москве.

(ИТАР—ТАСС).

Фото из газеты «Унита».